

УДК 94(47).084.3

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА БРАКА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ОТ ОТМИРАНИЯ БРАКА К КОНСЕРВАТИВНОЙ СЕМЬЕ (1917–1920-е гг.)

© Виктор Васильевич НИКУЛИН

Тамбовский государственный технический университет
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106
E-mail: tstu@admin.tstu.ru
доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой «Конституционное и административное право»
E-mail: viktor.nikulini@mail.ru

Проанализирована эволюция идеологических и правовых представлений о браке и семье в советской России в период с 1917 и вплоть до конца 1920-х гг. Выявляется, что одна из причин трансформации представлений о браке и семье – очевидные разрушительные социальные и правовые последствия революционного эксперимента в брачно-семейных отношениях для государства. Рассматриваются правовые и социальные регуляторы поведенческой модели населения в брачно-семейных отношениях, разработка соответствующего законодательства. Анализируется процесс изменения законодательства в брачно-семейной сфере и практика государственного регулирования брачно-семейных отношений в послереволюционный период от провозглашенной в начале революции «свободы» любви» до ужесточения политики в этом вопросе во второй половине 1920-х гг. Прослеживается процесс синхронизации изменения идеологии брачно-семейных отношений и соответствующего законодательства. Утверждается, что практика разработки и применения в 1920-е гг. норм брачно-семейных отношений на основе революционно-новаторских идей не выдержало проверки практикой общественной жизни. Революционный эксперимент привел лишь к девальвации поведенческих норм, к утрате многих контролирующих поведение человека норм. Традиционная семья подтвердила свою значимость как важнейший социальный институт.

Ключевые слова: революция; брак; семья; мораль; нравственность; поведение; власть; ценности; запрет; аскетизм; повседневность; декрет; закон

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-7/8(159/160)-104-109

Исторические потрясения 1917 г. в России привели к глобальным изменениям во всех сферах общественной жизни, в т. ч. и в сфере брачно-семейных отношений, ставшей одной из первых, в которой власть попыталась трансформировать революционные ценности в нормы права. Глубокому реформированию подверглось как семейное право, так и существовавшая в России культура семейно-брачных отношений, воспринимавшая семью как важнейшую духовную составляющую общества [1, с. 104-105]. В декабре 1917 г. издаются декреты ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» и «О расторжении брака». Эти два документа означали полный разрыв с дореволюционным семейным правом. Согласно первому декрету, церковь отстранялась от участия в регистрации актов гражданского состояния. Имеющим юридическую силу признавался исключительно гражданский брак. Снимались все законодательные огра-

ничения для брака. Никакого значения для регистрации брака не имели вопросы принадлежности к тому или иному сословию, национальности, религии [2, 1917, № 10, ст. 152]. Несмотря на нововведения, поведение населения оставалось в рамках традиционных брачно-семейных представлений. Еще долгое время гражданский брак оставался для населения необязательным, и только в результате жесткого давления властей гражданская форма брака стала повсеместно распространяться [3].

Революционным был и декрет «О расторжении брака», введший полную свободу развода. Брак признавался расторгнутым по обоюдному согласию супругов или даже по немотивированному заявлению одного из них. Женщина получила настолько широкие права и свободы на развод, что она могла требовать развода по самым разнообразным причинам. Напрашивается историческая аналогия с древнеузельскими законами, когда причиной, в силу которых жена могла требо-

вать развода, ничего не теряя из своих прав, например, мог быть дурной запах изо рта мужа [4, с. 60]. Процедура расторжения брака была сведена к единоличному решению судьи. Таким образом, дореволюционный порядок бракоразводного процесса, в основе которого лежало признание исключительно обстоятельств непреодолимой силы, делавших дальнейшее продолжение брака невозможным, ликвидировался.

Положения, положенные в основу первых декретов, были закреплены в законодательстве 1918–1920 гг. В сентябре 1918 г. ВЦИК принимает Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (КЗАГС). Правовое содержание кодекса базировалось на нескольких принципах: гражданский характер брака и развода; добровольность брака; свобода брака и развода. Кодекс сохранял нормы о раздельности имущества супругов, каждый из супругов мог свободно распоряжаться собственным имуществом, вступая при этом между собой в имущественно-договорные отношения [2, 1918, № 76-77, ст. 105, 106]. Эта норма ставила женщин в тяжелое материальное положение, поскольку большинство женщин не имели собственных доходов, а в случае развода были обречены на весьма скудное существование.

Кодекс признавал равноправие детей, родившихся в зарегистрированном браке и вне брака. Устанавливалась встречная обязанность детей содержать своих нетрудоспособных и нуждающихся родителей [2, 1918, № 76-77, ст. 153].

Одна из особенностей Кодекса состояла в том, что он полностью отрицал институт усыновления. Нормы кодекса устанавливали, что «не допускается усыновление ни своих родных, ни чужих детей. Всякое такое усыновление не порождает никаких обязанностей и прав для усыновителей и усыновленных» [2, 1918, № 76-77, ст. 183]. Данная норма имела вполне конкретное назначение. Законодатель попытался воспрепятствовать попыткам обойти запрет на наследование, предусматривающий поступление имущества умершего в собственность государства.

Одновременно с законодательными изменениями в сфере брачно-семейных отношений первого периода революции (1917–1918 гг.) предпринимаются попытки изме-

нить брачно-семейную традицию и идеологию, внедрить новую модель семейных отношений, в основе которых лежали революционно-радикальные взгляды на институт брака. Так, по мнению А. Коллонтай, старая форма брака, основанная на нерушимости брачного союза, не в интересах рабочего класса. Только свободные связи могут дать женщине возможность сохранить свою индивидуальность в обществе, где господствуют мужчины. В качестве разнообразия семейной жизни она предлагала оставить «гамму различных видов любовного общения полов в пределах «эротической дружбы» [5, с. 57-60]. Свобода половых отношений и освобождение от всех условностей старого мира (любовь, семья, дом) необходима для скорейшей победы коммунизма [6, с. 37]. Таким образом, семья как явление, присущее буржуазному обществу, должна быть разрушена.

Безусловно, в воззрениях А. Коллонтай налицо прогрессивные элементы. Это и принцип равенства полов, принцип заботы о материнстве и др. С другой стороны, ее довольно запутанные с точки зрения логики и здравого смысла рассуждения были далеки от понимания необходимости семьи как социального института для государственного развития.

Таким образом, в постреволюционной России огромные массы людей оказались затронуты процессом советской модернизации брачно-семейных отношений, сопровождавшейся утратой социокультурной семейной традиции [7].

С точки зрения социального содержания революционная брачно-семейная идеология в основном носила деструктивный, но одновременно и закономерный характер. Ф. Энгельс писал, что в каждом крупном революционном движении вопрос о «свободной любви» выступает на передний план. Для одних – это революционный прогресс, освобождение от старых, традиционных уз, переставших быть необходимыми; для других – охотно принимаемое учение, удобно прикрывающее всякого рода свободные и легкие отношения между мужчиной и женщиной [8, с. 8].

В основе новой семейной морали лежал революционный максимализм, характерными особенностями которого были непродолжи-

тельный срок существования, радикальное изменение модели повседневного семейно-брачного поведения, а также восприятие его незначительной частью общества. Определяющим фактором новой морали был не рационалистический, а идейный мотив, основой которого являлось революционное отрицание всего прошлого, что свойственно любой глубокой социальной ломке. Закономерностью данного явления является то, что по мере столкновения с социальными и политическими реалиями приходит понимание того, что положительно содержательная модель развития семьи имеет важное государственное значение с точки зрения жизнеобеспечения государства.

Можно говорить о том, что на первом этапе формирования новой модели брачно-семейных отношений (1917–1918 гг.) произошло идеологическое ее обоснование и правовое закрепление, причем в своей основе на демократической основе. С другой стороны, революционный максимализм привел к уходу государства от регулятивного подхода к брачно-семейным отношениям, предоставлению социально неприемлемой свободы в брачно-семейных отношениях, что вскоре выразилось в тяжелых социальных и правовых последствиях. Правовые последствия состояли в утрате государством юридического контроля над брачно-семейными отношениями, поскольку были совершенно размыты критерии определения тех семейных отношений, которые могли получать правовую защиту государства. Стали возникать юридически сложные семейные и наследственные споры, вызванные наличием значительного числа незарегистрированных браков (сожителства), причем нередко были случаи последовательного сожителства одного лица с разными лицами или даже одновременно с несколькими. При этом это происходило нередко при наличии не прекращенного юридически зарегистрированного брака [9, с. 67].

В результате у определенной части общества формировалось негативное отношение к браку, он заменялся формой внебрачных отношений – сожителством, основу которых составляла не семья, а временные интимные отношения. В совокупности все эти процессы означали одно – начало распада традиционного сексуального поведения человека, формирование новой системы ценно-

стей и правил поведения в этой сфере, и в конечном итоге – включение половой жизни как для населения, так и для государства в неконтролируемые моралью и законом рамки. Это было социально опасным явлением для общества, поскольку, если в браке сексуальные отношения порождают юридические права и обязанности, они являются легитимными для общества, то в сожителстве сексуальные отношения законом не регламентируются. С социальной точки зрения сожителство как альтернативная форма семейно-брачных отношений не содержит в себе каких-либо значимых для совместного существования мужчины и женщины факторов, кроме интимных отношений. Мужчине при такой форме отношений можно сбросить с себя традиционную роль кормильца, избежать любой долгосрочной занятости домашними делами, сосредоточившись вместо этого на своих собственных удовольствиях [10, с. 11]. Точно также и с точки зрения государства «сожителство» не представляет значимой ценности, поскольку отношения мужчины и женщины не оформлены законодательно, следовательно, не регулируются государственными институтами. В социальном плане негативные последствия проявлялись в существенном росте девиантного поведения в семейно-брачных и половых отношениях, обострении демографических проблем. Рожденные вне брака дети пополняли детские дома, становились беспризорниками или хуже того – шли в преступный мир [11, с. 67].

Серьезные негативные последствия нововведений вынуждали власть перейти к более консервативной модели брачно-семейных отношений, путем введения их в организованные и целесообразные рамки государственного регулирования. В ноябре 1926 г. принимается Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР (КЗоБСО), внесший значительные изменения в прежнее законодательство. Самое очевидное изменение состояло в признании фактических браков и распространении на них прав и обязанностей супругов, состоящих в зарегистрированном браке. Фактический брак можно было в любое время оформить в ЗАГСе с указанием его начального срока. Для его признания требовалось совместное проживание мужчины и женщины, ведение общего хозяйства, совместное воспитание детей либо выявление суп-

ружеских отношений перед третьими лицами в переписке и иных документах. Дети от фактического брака пользовались теми же правами, что и родившиеся от родителей, состоящих в зарегистрированном браке. Кодекс сохранил право супругов на расторжение брака как по обоюдному согласию, так и по одностороннему желанию одного из супругов.

Важной гарантией равноправия мужчины и женщины в семейных отношениях стала норма, согласно которой имущество, нажитое супругами в течение брака, считается их общим имуществом, и при расторжении брака размер принадлежащей каждому супругу доли в случае спора определяется судом. Таким образом, устанавливался принцип общности имущества супругов. Кодекс возлагал на родителей обязанность «заботиться о несовершеннолетних детях, их воспитании и подготовке их к общественно полезной деятельности». В случае ненадлежащего выполнения родителями своих обязанностей суд мог принять решение об изъятии у родителей детей и передаче их органам опеки и попечительства. Изъятие детей у родителей не означало полного лишения их родительских прав и не освобождало их от обязанности по содержанию детей [2, 1926, № 82, ст. 10, 51].

И все же, несмотря на более рациональный подход к семейно-брачным отношениям, в кодексе еще сильны были проявления либерально-революционного отношения к браку, характерного для первых послереволюционных лет. Наиболее отчетливо это видно в уравнении по юридическим последствиям незарегистрированных браков и зарегистрированных браков, что означало необязательность регистрации браков и легализацию фактических браков. Вторым аспектом проявления левизны видится в том, что задача формирования новой модели брачно-семейных отношений тесно увязывалась с решением идеологической задачи – формированием через семью политически и социально необходимого человека.

Вместе с тем государство более решительным образом брало под нормативный контроль брачно-семейные отношения, что проявилось в принуждении граждан к более строгому выполнению семейных обязанностей. Это позволяет говорить о том, что ре-

волюционный (идеологический) компонент в брачно-семейных отношениях все в большей степени заменялся правовыми нормами. Одновременно ужесточается уголовное преследование за половые преступления. До 1922 г. регламентация таких преступлений носила несистемный и поверхностный характер. УК РСФСР 1922 г. более реально оценивал общественную опасность таких преступлений. Кодекс применил к сексуальным преступлениям единую квалификацию – «преступления в области половых отношений». Увеличивается количество составов преступлений. К числу сексуальных преступлений, наряду с прежними преступлениями (изнасилование, развращение малолетних или несовершеннолетних и т. д.), стали относиться принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовка женщин для проституции. Нижний предел наказания устанавливался в три года, верхний – до пяти лет, что можно охарактеризовать как достаточно мягкие санкции за подобного рода преступления» [2, 1922, № 15, ст. 166-171]. Правда, УК 1926 г. усилил санкции, например, за изнасилование при отягчающих обстоятельствах до 8 лет заключения. Но в целом существенной переоценки наказуемости данного деяния не произошло. Причина видится в продолжавшему по инерции жить революционно либеральному отношению к половому вопросу, что и находило отражение в уголовном законодательстве.

Однако, в целом, становилась все более очевидной тенденция возврата к традиционной модели брачно-семейных отношений. Она значительно усилилась в конце 1920-х гг. Семья уже рассматривается как основная ячейка социалистического общества. Ужесточаются нормы брачно-семейного законодательства, отменяются радикально либеральные постановления, все в большей степени государство регламентирует все аспекты брачно-семейных отношений.

В социально-идеологическом плане начинается борьба с распущенностью, свободные половые отношения подвергаются критике, происходит возврат к пропаганде крепкого семейного союза, нацеленного на длительную парную семью как единственную приемлемую форму семейно-брачных отношений. Таким образом, потребовалось менее

10 лет социального эксперимента в брачно-семейных отношениях, чтобы понять, что стабильность государства во многом зависит от стабильности института брака и семьи. Первый период реформирования брачно-семейных отношений можно определить как период социального и законодательного разрушения института брака, семьи и семейной собственности. Утопическая идея новых брачно-семейных отношений базировалась на двух основных постулатах. Во-первых, брачно-семейные отношения важны в первую очередь с точки зрения их социально-революционной значимости, они не должны мешать, а способствовать созданию справедливого общественного устройства. Во-вторых, как и любой другой институт буржуазного общества, семья неизбежно отомрет.

Одновременно это был и этап разрушения патриархального типа семьи, что вписывается в русло прогрессивности. Были разрушены церковные основы семейно-брачных отношений, утвердился светский характер брачно-семейных отношений.

Следствием радикального социального эксперимента стали крайние формы реализации революционной модели брачно-семейных отношений, рост девиантного поведения в этой сфере. Институт брака и семьи переживал острейший кризис. Постепенно на фоне негативных правовых и социальных явлений стало приходить понимание того, что задача формирования социально необходимого человека через преобразование семьи в той форме, в которой она проходила в первой половине 1920-х гг., невыполнима, а утрата стабильности брачных отношений ведет к разрушению социальных устоев государства.

Поэтому поворот в идеологии брачно-семейных отношений середины 1920-х гг. и ее законодательного закрепления можно считать естественным следствием осознания руководством страны пагубности прежней политики. Второй период необходимо рассматривать как период государственного восстановления института семьи и приспособления его к задачам государственного строительства. Характерными его чертами были укрепление имущественных отношений в семье, развитие института семейной собственности. Восстановление института семьи завершилось в конце 1920-х – начале 1930-х гг. С этого момента советская государственная

идеология и политика носят характер жесткости в отношении всего того, что связано с интимными отношениями. Формируется консервативная нормативная модель брачно-семейных отношений, характерной чертой являлось их жесткое государственное регулирование.

Проблемы модернизации института брака и семьи, имевшие место в советской России, актуальны и в современной России. Определенные черты революционной модернизации и сопряженной с ней проявлениями кризиса брачно-семейных отношений характерны и для современного общества. Снижается ценность института семьи, альтернативой становятся внебрачные отношения, гражданский брак является ничем иным как интимным сожителем, негативные последствия которого, очевидно, проявились в 1920-е гг.

Исторический опыт показывает необходимость противодействия радикальным взглядам на брачно-семейные отношения, несущие девальвацию моральных ценностей и, как следствие, социальную личностную отчужденность. Семья как социальная общность должна остаться важнейшим элементом государственности, а идеология приоритета семьи должна найти закрепление в нормативных актах и в историческом самосознании.

Список литературы

1. Ильин И. Разрушение семьи в советском государстве // Ильин И. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1998. Т. 7.
2. СУ РСФСР (Собрание узаконений РСФСР).
3. Лукьянович Д. Гражданские браки и демографическая ситуация в стране. URL: <http://biblecollege.by> (дата обращения: 21.02.2016).
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М., 1961. Т. 21. С. 131.
5. Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. М., 2015.
6. Коллонтай А. Любовь пчел трудовых. Москва; Петроград, 1924.
7. Гавров С.Н. Историческое изменение институтов семьи и брака. М., 2015.
8. Энгельс Ф. Книга откровения // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: в 50 т. М., 1961. Т. 21. С. 8.

9. Полянский П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе. Историко-правовое исследование. М., 2016.
10. Ковалева А.В. Трансформация понятия «гражданский брак» как проявление кризиса семейно-брачных отношений: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2013.
11. Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 2015.
6. Kollontay A. *Lyubov' pchel trudovykh* [Love of the working bees]. Moscow, Petrograd, 1924. (In Russian).
7. Gavrov S.N. *Istoricheskoe izmenenie institutov sem'i i braka* [Historical changes of the institution of the family]. Moscow, 2015. (In Russian).
8. Marks K., Engel's F. *Sochineniya: v 50 t.* [Collected editions: in 50 vols.]. Moscow, 1961, vol. 21, p. 8. (In Russian).
9. Polyanskiy P.L. *Pravovoe regulirovanie brachno-semeynykh otnosheniy v rossiyskom obshchestve. Istoriko-pravovoe issledovanie* [Legal regulation of matrimonial relations in Russian society. Historical and legal investigation]. Moscow, 2016. (In Russian).
10. Kovaleva A.V. *Transformatsiya ponyatiya "grazhdanskiy brak" kak proyavlenie krizisa semeyno-brachnykh otnosheniy* [Transformation of concept of civil marriage as a demonstration of matrimonial relations' crisis]. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata sotsiologicheskikh nauk. Khabarovsk, 2013. (In Russian).
11. Smirnov A. *Ocherki semeynykh otnosheniy po obychnomu pravu russkogo naroda* [Notes on family relations in general law of Russians]. Moscow, 2015. (In Russian).

References

1. Il'in I. Razrushenie sem'i v sovetskom gosudarstve. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Destuction of family in Soviet State. Collected edition: in 10 vols.]. Moscow, 1998, vol. 7. (In Russian).
 2. *SU RSFSR (Sobranie uzakoneny RSFSR)* [Code of justice of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. (In Russian).
 3. Luk'yanovich D. *Grazhdanskie braki i demograficheskaya situatsiya v strane* [Civil marriage and demographic situation in the country]. Available at: <http://biblecollege.by> (accessed 21.02.2016).
 4. Marks K., Engel's F. *Sochineniya: v 50 t.* [Collected editions: in 50 vols.]. Moscow, 1961, vol. 21, p. 131. (In Russian).
 5. Kollontay A. *Novaya moral' i rabochiy klass* [New morality and the working class]. Moscow, 2015. (In Russian).
- Поступила в редакцию 29.03.2016 г.
Received 29 March 2016

UDC 94(47).084.3

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF MARRIAGE IN SOVIET RUSSIA: FROM MARRIAGE REGRESSION TO CONSERVATIVE FAMILY (1917–1920-s)

Viktor Vasilevich NIKULIN

Tambov State Technical University

106 Sovetskaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: tstu@admin.tstu.ru

Doctor of History, Professor, Head of "Constitutional and Administrative Law" Department

E-mail: viktor.nikulin@mail.ru

The evolution of the ideological and legal concepts of marriage and family in Soviet Russia in the period from 1917 until the end of 1920-s is analyzed. It is revealed that one of the reasons for the transformation of ideas about marriage and the family is the obvious devastating social and legal implications of the revolutionary experiment in marriage-family relations to the state. The legal and social regulators behavioral patterns of the population in the marriage-family relations, the development of appropriate legislation are considered. The process of changing the legislation in marriage-family sphere and the practice of state regulation of marriage-family relations in the post-revolutionary period from the beginning of the revolution proclaimed "freedom of love" to tighten policy in this matter in the second half of 1920-s are analyzed. The process of synchronizing change the ideology of marriage-family relations and the relevant legislation is traced. It is alleged that the practice of development and application in the 20 years the rules of marriage-family relations on the basis of a revolutionary-innovative ideas do not stand the test of public life practice. The revolutionary experiment led to a devaluation of behavioral norms, to the loss of many human norms of behavior control. The traditional family has confirmed its significance as the most important social institution.

Key words: revolution; marriage; family; morality; virtue; behavior; power; values; interdiction; austerity; daily life; decree; law

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-7/8(159/160)-104-109